

ником едва ли не всех крупнейших изданий своего времени — «Санктпетербургского вестника», «Собеседника любителей русского слова», «Московского журнала», «Аонид», «Музы», других периодических изданий, печатал свои произведения и отдельно. Однако созданная в литературных целях поэтическая маска доньше влияет на судьбу львовского наследия (этим, в частности, объясняется отсутствие собрания стихотворений Львова в «Библиотеке поэта»).

Думается, что в определенный момент аналогичная позиция поэта-дилетанта — на словах по крайней мере — была свойственна и Державину. Настойчивое повторение, что он «поет» «от должности в часы свободны», анонимные выступления в печати, резкие выпады против «похвальных од подносителей», — все это связано не только с необходимостью обороны от начальства (генерал-прокурора кн. А. А. Вяземского и подобных ему), но и с принципиальным нежеланием становиться в ряд обыкновенных «цевых стихотворцев».

Поэтому, адресуя киргиз-кайсацкой царевне Фелице свою анонимную оду, мурза-автор резко отмежевался от современной поэзии, особо подчеркнув:

Хвалы мой тебе примета,
Не мни, чтоб шапки иль бешмета
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Таков есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

«Фелица» была создана в 1782 г., а после публикации ее в 1783-м, узнав имя автора, императрица отреагировала вполне стандартно: отправила поэту золотую табакерку с 500 червонцев. Очевидно, эта ситуация привела к тому, что Державин должен был как-то по-новому определить свое поэтическое кредо. В сочиненной в том же году «Благодарности Фелице» отчетливо совмещаются две позиции: новая — вдохновенного певца и старая — поэта-дилетанта:

- (1) Когда небесный возгорится
В пиите огонь, он будет петь;
- (2) Когда от бремя дел случится
И мне свободный час иметь,
Я праздности оставлю узы,
Игры, беседы, суеты,
Тогда ко мне придут музы,
И лирой возгласишься ты.

Вопреки субъективному намерению поэта, который в «Фелице» был искренен в своих похвалах, ода была истолкована, по словам Державина, как «неприличная лесть» императрице, вызвала много и других неблагоприятных для автора суждений. Возражая на них, Державин написал одно из лучших своих стихотворений — «Видение мурзы». Явившись ночью, пекая «жена» — «жрица» или